

К 60-летию ОБРАЗОВАНИЯ СССР

”Только пережитый опыт может заставить массы увидеть правду и расстаться со ставшими чересчур опасными иллюзиями”.

Густав ле Бон,
”Психология толпы”

Три революции произошли в России в первые два десятилетия нашего века, и в каждой из них проявился конфликт между центральной властью и нерусскими народами. Первая революция была подавленным бунтом, вторая — завершилась попыткой установить демократическое и плюралистическое общество. Но еще до решения этой задачи началась третья революция — большевистская, выдвинувшая легко усваиваемые и популярные в массах лозунги. Эта революция породила гражданскую войну, привела к уничтожению старых и строительству новых структур, восстановлению территории распавшейся было империи.

Активные составляющие всех этих революций — национальные движения нерусских наций за национальные и гражданские права — в третьей революции были нацифицированы идеей абстрактного пролетарского интернационализма. И не случайно, что с первого момента прихода большевиков к власти политики и историки не перестают задаваться вопросом, как же немногочисленной группе радикалов удалось не только прийти к власти, но и удержать ее; как удалось им организовать экономическую жизнь страны в соответствии с собственной идеологией и как

удалось им в весьма короткий срок реставрировать многонациональную империю?

Но прошло 60 лет, и сейчас основное внимание уделяется современному советскому государству, а строительство фундамента многонационального СССР стало темой исторических исследований и только.

Но уже древние римляне утверждали, что правительства и государства сохраняются при помощи тех идей, на которых они возникали. В этом смысле официальный ленинизм как идеология КПСС и СССР остается в силе, независимо от того, верит ли гражданин страны ”реального социализма” в коммунизм как счастливое будущее человечества или нет. Ленинизм остается в силе как идея, положенная в основу при образовании СССР, как метод правления, направленный на сохранение тоталитарного многонационального государства, и как оправдание средств, которыми пользуется КПСС для достижения своих целей.

Национальная проблема была одной из серьезнейших в Российской империи и остается важнейшей проблемой СССР. Русификация, ассимиляция, национальный гнет, захват нерусских земель русскими переселенцами — все это было и в дореволюционной России. И все-таки нерусские нации развивали свою культуру, национальное и политическое сознание. Об этом свидетельствует публикуемая в этом выпуске статья Л. Штернберга ”Инородцы”. Существовали и русские партии шовинистского толка. В программе партии ”Всероссийский национальный союз” было записано:

”Без приятных ужимок и лицемерных оговорок мы ввели в наш устав первый догмат национальности — господство своего племени в государственной черте. Мы, Божьею милостью, народ русский, обладатель Великой, Малой и Белой России, принимаем это обладание как исключительную милость Божью, которою обязаны дорожить и которую призваны охранять всемерно. Нам, русским, не даром далось это господство; ни с того, ни с сего делить добытые царственные права с покоренными инородцами — что же тут разумного, скажите на милость? Напротив, это верх политического слабоумия и представляет собой историческое мотовство, совершенно подобное тому, как в купечестве

'тятенкины сыпки', получив миллион, начинают разбрасывать его ласкам и падшим женщинам. Сама природа выдвинула племя русское среди многих других как наиболее крепкое и даровитое. Сама история доказала равенство маленьких племен с нами. Скажите, что тут разумного идти против природы и истории и утверждать равенство, которого нет? И справедливо ли давать одни и те же права строителям русского государства и разрушителям его?".¹

Не все, разумеется, политические партии дореволюционной России разделяли позицию "Всероссийского национального союза" в национальном вопросе, но ни одна из русских политических партий не разработала программы обеспечения национальной свободы и независимости нерусских наций — т.е. в Российской империи никогда не были определены правовые установки, опираясь на которые нерусские нации могли бы проявить свою волю, хотя уже с начала XX века, по мере развития национального сознания нерусских наций становилось совершенно очевидным, что в России, как и в других многонациональных государствах, национальная проблема становится серьезным политическим фактором. Эсеры, правда, допускали федерацию как государственную форму России, но их программа не была достаточно четкой. Общим положением программ всех остальных политических партий России было сохранение единого государства. Более того, 15 июля революционного 1917 года партия кадетов вообще вышла из Временного правительства в знак протеста против готовности правительства пойти на некоторые уступки Украине, требовавшей автономии. Таким образом, кадеты, ради защиты интересов империи, ослабили первое в истории России демократическое правительство. Позиция кадетов отражала подход к национальной проблеме большинства политических партий в то время.

"Великорусское общественное мнение, — писал уже в 1910 г. М. Славинский, — до самого последнего времени мало занималось национальными вопросами, плохо оценивая их важность для такого пестрого в племенном отношении государства как Россия. Имперская национальная политика принималась обществом как нечто обычное и

должное, без протеста, иногда с сочувствием, чаще всего с равнодушным безразличием... Редкие протесты подавляемых народностей выслушивались с нетерпеливой и неохотной скукой, как нечто надоевшее и постылое, как безнадёжная тяжба обивающего пороги истца".²

Это безразличие к претензиям нерусских наций, к их правам, а, следовательно, и к правам человека, характерно не только для Российской империи, но и для СССР, хотя победе большевиков в значительной степени способствовал именно выдвинутый ими лозунг о равенстве и свободе наций и их праве на самоопределение. Значение национальной проблемы и нерусских областей империи вообще как революционного фактора большевики поняли великолепно. Еще до революции они изучали теорию национальной проблемы и отношения между нациями и центром и наций друг с другом в другой многонациональной империи, — в Австро-Венгрии. Однако, предложенную австрийскими социал-демократами идею культурно-национальной автономии большевики отвергли. Для большевиков, которые отрицали возможность эволюционного развития общества, реформы вообще, и при решении национальной проблемы, в частности, были неприемлемы, хотя на словах они признавали равноправие наций. Именно поэтому большевистская программа решения национальной проблемы была радикальной. Об этом тоже писал М. Славинский:

"В программе социал-демократической партии, охотно рисующей будущий социальный и политический строй в самых детальных подробностях, будущее национальное вопроса осталось вне поля зрения; партия не сумела даже различить границ этого вопроса от соседнего, но далеко не идентичного с ним вопроса областного".³

Такое упущение и такая "безграмотность" не были случайными. Выдвинув лозунг о праве наций на самоопределение, большевики (и меньшевики) воспользовались самым популярным среди угнетенных наций лозунгом, не обязывая себя при этом к какой-либо конкретной деятельности в этом направлении. Ведь партийная идеология исходила из тезиса, что национальная проблема

должна быть подчинена интересам "классовой борьбы пролетариата". При таком подходе национальное сознание, национальная культура, национальная независимость и свобода отодвигаются на второй план. На практике большевики стремились к трансформации национальных движений в движение пролетариата данных наций. Последствия этой политики сказались на всей шестидесятилетней истории СССР.

Программа по национальному вопросу, принятая на II съезде РСДРП, была конкретизирована на Поронинском совещании в 1913 г. На этом совещании лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения от империи и создания самостоятельного государства был окончательно лишен какого-либо содержания, поскольку в поронинских документах подчеркивалось, что вопрос об отделении недопустимо смешивать с вопросом о целесообразности отделения.⁴ На этом же Поронинском совещании большевики заявили, что они оставляют за собой право решать этот вопрос не как принципиальный, а для каждой нации отдельно, исходя прежде всего из интересов "социализма".

На подход большевиков к национальной проблеме, когда они были оппозиционной партией, влияли многие политические факторы, в частности, проблемы внутрипартийной организации. Составная часть российской социал-демократии — еврейская социал-демократическая организация Бунд — выступила на II съезде РСДРП с требованием построить социал-демократическую партию России по федеративному принципу — как партию, объединяющую национальные партии. Для Ленина и его соратников было, однако, совершенно очевидно, что федерация означает союз равноправных партнеров и самоуправление внутри национальных организаций, а это означало бы конец централизма, концентрации власти в руках вождя или верхушки.

"Твердость Ленина и его сторонников, — говорится в истории КПСС, — отстаивающих идею создания марксистской партии на принципах пролетарского интернационализма, победила".⁵

Сам Ленин назвал эту партию "партией пролетариата всех национальностей России",⁶ но в письме Горькому охарактеризовал ее более конкретно:

"Насчет национализма вполне с вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для 'Просвещения' большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы... У нас на Кавказе с-д. грузины + армяне + татары + русские работали вместе, в единой с-д. организации *больше десяти лет*. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение. Так было и в Риге: русские + латыши + литовцы; отделялись *лишь сепаратисты* — Бунд. Тоже в Вильно... Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас *не будет*. Не пустим! Да и нашего брата, великоруссов, здесь побольше. С рабочими не пустим 'австрийского духа'."⁷

Мы видим, что еще до захвата власти, вопрос о "пролетарском интернационализме" Ленин на самом деле решал "русским большинством". При этом Ленин-идеолог продолжал утверждать, что не нация, а класс является предметом интереса коммунистической партии, а потому "пролетарский интернационализм" и классовая борьба составляют содержание революции. И не удивительно, что национальное сознание, защиту национальных интересов самой нации Ленин считает вредным делом рабочего класса, поскольку национальное сознание "является продуктом интересов буржуазии и относится к эпохе капитализма". Этот свой подход к национальному вопросу, который большевиками всегда рассматривался только как вопрос нерусских наций, Ленин сформулировал в общем положении:

"Пролетариат же не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив, предостерегает массы от таких иллюзий".⁸

Как идеолог Ленин понимал, что чем менее конкретен и точен политический лозунг, тем легче его включить в программу. Поэтому, приветствуя ассимиляцию и слияние наций,⁹ Ленин далее не уточняет, кто и с кем должен ассимилироваться и как это произойдет (ведь речь идет о людях!), какие нации в результате слияния исчезнут. Однако именно на эти лишенные конкретного содержания лозунги по сей день ссылаются советские политики, проводя политику русификации многонационального Со-

ветского Союза и формирования "новой исторической общности — советского народа".¹⁰

Но вернемся к истории с Бундом.

"Последовательные искровцы понимали, — говорится в истории КПСС, — что значение вопроса неизмеримо шире взаимоотношений партии с Бундом... Раздробление партии по национальному признаку ослабило бы ее как борца за сплочение и освобождение угнетенных народов".¹¹

И действительно, вроде бы незначительный эпизод — дискуссия о положении Бунда в партии, включенная ленинцами в первый пункт повестки дня на II съезде РСДРП, и решение, принятое по этому вопросу, оказали огромное влияние на дальнейший ход истории России. Исключив Бунд, ленинцы отказались от строительства партии по федеративному принципу, от создания партии как союза равных, и это решение два десятилетия спустя логически определило положение наций в формально федеративном Союзе ССР, где право решать свою судьбу не признается ни за индивидуумами, ни за нациями.

Решение исключить Бунд было обусловлено интересами ленинской фракции — и только. Несмотря на все разговоры о мировой революции, большевики были партией, которая действовала в России, и их первоочередной целью был приход к власти в России. Это надо понимать буквально — в России, в многонациональной империи, а не только в Великой России.

Но тот же Ленин, который на II съезде РСДРП изгнал бундовцев и выделил большевиков в особую партию, в 1906 г. снова мирится с Бундом и даже включает его представителей в ЦК РКП(б). Интересно, что документ, в котором Ленин сам оценивает этот шаг, был впервые опубликован в 1937 г..

"Число членов нашей партии, — пишет Ленин, — теперь свыше 100 тыс. человек: 31 тыс. были представлены на объединительном съезде, затем около 26 тыс. польских социал-демократов, около 14 тыс. латышских и 33 тыс. еврейских".¹²

Стремление укрепить партию количественно вовсе не изменило отрицательного отношения Ленина к идее союза националь-

ных партий и национального представительства в руководстве партией. Уже в 1914 г. он называет интернациональную социал-демократическую партию России партией склоки, разочарований, обид и взаимных помех, "федерацией худшего типа"... "Это — гниль! Долой это гниль!"¹³

Тогда же Ленин заявляет, что большевики против отделения нерусских наций от империи и что о праве наций на самоопределение вплоть до отделения они говорят лишь потому, что черносотенцы и великорусские националисты испоганили дело национального сожительства. В письме С.Г. Шаумяну Ленин подчеркивает, что целью большевиков является большое государство, централизация, т.е. твердая власть правительства над всем и всеми, единая экономика, требующая единого (русского) языка.¹⁴ В этом же письме Ленин отвергает также федерацию как непригодный тип организации многонационального государства, ссылаясь на то, что "федерация — это союз равных, требующий общего согласия", а возможно ли право одной стороны на согласие с ней другой, — спрашивает Ленин и сам же отвечает: "Это абсурд".¹⁵

Что же побудило большевиков после революции согласиться на федеративную форму советского государства и даже на отделение от России Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы и Польши? Отчасти большевики стали жертвой собственной политики — ведь они обещали нерусским народам право на отделение от русского государства. Но на деле вопрос решился соотношением сил между национальным движением в каждой из этих республик и правительством Ленина.

Гражданская война в России — это не только "социальная" война, но и война за реставрацию распавшейся после революции многонациональной империи. И именно в этой национальной войне большевики иногда побеждали, а иногда и проигрывали, оказываясь вынужденными идти на временные перемирия и компромиссы. Только ради сохранения власти большевики пошли на некоторые уступки национальным движениям. Только ради сохранения власти уже после формирования независимых советских республик большевики повернули на 180 градусов и согласились на федеративное упорядочение многонационального государства. Укрепив свою власть, большевики трансформировали формальную федерацию в диктатуру центра.

На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. была принята новая программа "по национальному вопросу", которая призывала "трудящихся угнетенных народов объединиться в сознательном союзе". В этой программе подчеркивалось, что русские рабочие и рабочие других угнетающих наций должны вести себя

"... с особой осторожностью в отношении к национальному чувству угнетенных (например, со стороны великороссов, украинцев и поляков по отношению к евреям, со стороны татар к башкирам и т.п.)".¹⁶

Не следует забывать, что Ленин считал национальную проблему вопросом второстепенного значения, а политическими представителями наций — только трудящихся, которых, в свою очередь, могли представлять только большевики. Сама партия уже была организована по ленинскому принципу интернационализма и централизма, так что схема совершенно ясна: большевистские организации в нерусских областях становятся составной частью единой партии и полностью подчиняются московскому ЦК. Национальные проблемы государства таким образом трансформируются в национальный вопрос внутри большевистской партии, а в политической жизни нерусских наций национальная проблема как вопрос выживания нации просто отбрасывается.

Коротко ленинскую программу решения национальной проблемы можно сформулировать так: вашим (т.е. нерусских народов) правом является стремление к отделению, а нашим (центральной власти) правом является право не соглашаться. Совершенно точно эту большевистскую практику охарактеризовал Сталин:

"Центральная Россия, — писал он, — этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия... Более развитая центральная Россия не может довести до конца дело революции без поддержки менее развитых, но богатых необходимыми ресурсами окраин России".¹⁷

Однако политическая обстановка того времени требовала некоторой модификации этой совершенно четкой программы.

Именно поэтому тезисы Ленина об ассимиляции, сближении и слиянии были дополнены лозунгами о добровольном союзе народов, о двух видах национализма — угнетенных и угнетающих наций. Говорилось также о том, что национально-освободительное движение угнетенных наций следует использовать в борьбе против западных держав.¹⁸ Международный аспект национальной проблемы, в частности, использование национально-освободительного движения в интересах мировой революции, обсуждался на Конгрессе народов Востока (Баку, сентябрь 1920 г.), на конгрессах Коминтерна и других съездах представителей этой организации.¹⁹

При попытке той или иной нации реализовать свое право на отделение в действие вступала Красная армия РСФСР. Для этого было достаточно, чтобы несколько "местных коммунистов" организовали "революционное выступление", заявили о том, что они борются с контрреволюцией и попросили Красную армию прийти на помощь. Эта тактика применяется Москвой до сих пор — в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г. и в Афганистане в 1980 г. Сейчас этот прием почему-то называют "доктриной Брежнева", но ведь уже 17 марта 1920 г., еще до образования СССР, Ленин в телеграмме политруку Кавказского фронта писал:

"Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советуем еще более осторожно".²⁰

Еще более откровенно по поводу Грузии говорил Троцкий, подчеркивавший, что безопасность России требует введения в Грузию армии РСФСР. Большевики России, утверждал Троцкий, признают и поддерживают право наций на самоопределение, когда за него борются в феодальных, капиталистических, империалистических государствах. Но когда право на самоопределение становится оружием буржуазии против пролетарской революции, у большевиков нет причин, писал Троцкий, относиться к нему иначе, чем к другим принципам извращенной капиталистической демократии.²¹

Выше мы уже говорили, что сразу же после прихода к власти большевики на деле отказались от провозглашавшегося ими до революции лозунга о праве наций на отделение и заняли открыто великодержавную позицию, но неожиданно согласились на федеративное упорядочение советского государства. Нет сомнения, что наряду с внутривнутриполитическими факторами, в частности, со взрывом национального сознания нерусских наций, на решение большевиков формально допустить федерацию повлияли также факторы внешнеполитические. Первая мировая война, в которую включились и Соединенные Штаты Америки, приближалась к концу. Президент Соединенных Штатов Вудро Вильсон, как и правительства Великобритании и Франции, поддержал тогда целый ряд европейских наций в их борьбе за самостоятельные национальные государства и сформулировал знаменитые принципы Вильсона. Ленин вынужден был с этим считаться.²²

Власть большевиков стабилизировалась в период, когда мир мировой революции уже начинал расшатываться. Это, разумеется, сказалось и на национальной политике большевиков. Независимые национальные республики, образовавшиеся после революции 1917 г., стали самостоятельными не с благословения большевиков, а потому, что местные большевики и Красная армия РСФСР были в момент их отделения слабее национальных сил. Такие "окранные" как Белоруссия, Украина, Армения, Азербайджан, Грузия и Средняя Азия просуществовали как независимые от России государства всего пять лет, до их вторичного включения в многонациональное государство, на этот раз не в Россию, а в СССР. И то, что СССР был создан как "федеративное" государство, свидетельствует о жизнеспособности наций, о том, что в процессе их национально-освободительного движения они создали традиции национальной государственности, с которыми вынуждено было считаться и правительство советской России.

После образования СССР национальная проблема обсуждалась на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.). В то время еще можно было выступать с критикой великодержавного русского шовинизма. Но несмотря на ряд резолюций против него и критику Ленина, наступлению великодержавного шовинизма уже нельзя было помешать. В 1926 г. Сталин выступил против важнейших

принципов национальной автономии, в частности, против использования в государственных учреждениях нерусских языков.

"Нельзя заставить русские рабочие массы, — писал Сталин в письме Кагановичу, — отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский ... в то время, как западноевропейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к 'Москве', ... украинский коммунист Хвилевой не имеет сказать в пользу 'Москвы' ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от 'Москвы' 'как можно скорее'."²³

В этом же письме Сталин предостерегал, что движение за возрождение украинского национального сознания и украинской национальной культуры может перерасти в движение против культуры советской, может принять

"...характер борьбы против 'Москвы' вообще, против русской культуры и ее высшего достижения — ленинизма".²⁴

В конце 20-х — начале 30-х годов началась чистка в нерусских республиках СССР. Преследование обвиненных в местном национализме было исключительно жестким. Федерализм превратился в полную фикцию, а усиление власти Сталина над партией сопровождалось все большим подчинением национальных нерусских республик.²⁵ Казалось, что с "национальным сознанием" покончено.

* * *

Однако прошло 60 лет, но национальная проблема по-прежнему остается одной из важнейших проблем в Советском Союзе. Решение этой проблемы по-прежнему остается одной из основных предпосылок изменения советской тоталитарной системы. Опыт наций, накопленный за эти 60 лет, помог им увидеть правду.

№ 7-8, 1983 г.

Примечания

- 1 Формы национального движения в современных государствах, С. Петербург, изд. Общественная Польза, 1910, стр. 296-297.
- 2 Там же, стр. 291.
- 3 Там же, стр. 297.
- 4 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. ч. 1, изд. 7. Госполитиздат, 1953 г., стр. 40, 315-316; В.И. Ленин, Соч. т. 19, 4-е издание, стр. 386.
- 5 История КПСС, т. 1, Изд. полит. литературы, Москва, 1964, стр. 454.
- 6 В.И. Ленин, Соч., т. 19, 4-е изд., стр. 219.
- 7 В.И. Ленин, Соч. т. 35, 4-е изд., стр. 58-59.
- 8 В.И. Ленин, Соч., т. 20, 4-е изд., стр. 19.
- 9 Там же.
- 10 Больше всего русификация в области языка форсируется в решениях ташкентской конференции, посвященной преподаванию русского языка нерусским ("Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов СССР", 22-24 мая 1979 г.).
- 11 История КПСС, т. 1, Изд. полит. литературы, Москва, 1964, стр. 454.
- 12 В.И. Ленин, Соч., т. 11, изд. 4-е, стр. 168.
- 13 В.И. Ленин, Соч., т. 35, изд. 4-е, стр. 111.
- 14 В.И. Ленин, Соч., т. 19, изд. 4-е, стр. 452-454.
- 15 Там же.
- 16 См. В.И. Ленин, Соч., т. 29, изд. 4-е, стр. 107.
- 17 И.В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 351.
- 18 См. В.И. Ленин, Соч., т. 22, изд. 4-е, стр. 136-140, 296-299, 340-341, т. 23, стр. 48-50.

- 19 Этой теме посвящена книга Д. Бернера (D. Boersner, The Bolsheviks and the National and Colonial Question, / 1917-1928/, Paris, 1957).
- 20 В.И. Ленин, Соч., т. 35, изд. 4-е, стр. 378.
- 21 Цитируется по книге Д. Бернера (см. примечание 19).
- 22 См. V. Mamatey, The United States and Central Europe 1914-1918, A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda, Princeton University Press, 1951.

Ф. Сялницкий. Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 гг.; Сучасність, 1978, Мюнхен, стр. 243, 260-261; Восьмой съезд РКП (б), Москва, Партиздат, 1933, Москва, ГИПЛИ, 1959.
- 23 И.В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 151-153.
- 24 Там же, стр. 152.
- 25 M. Fainsod, How Russia is ruled, Harvard University Press, 1963, p. 370.